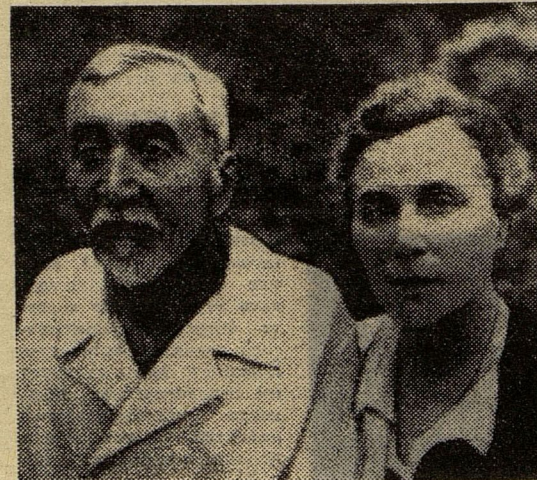
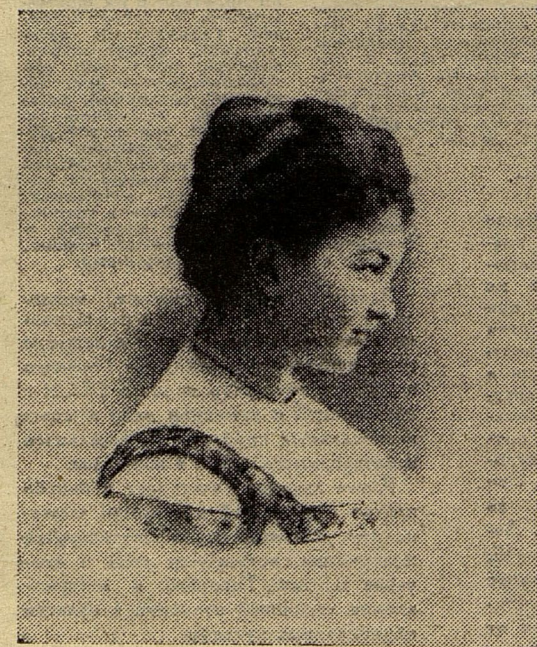

А. И. КУПРИН. Фото начала 1900-х годов в дарственной надписи А. И. Кутуна. (Этот и два других снимка из фондов Государственного литературного музея).

А. И. КУПРИН и Е. М. КУПРИНА. Голицыно, лето 1937 года.

Прототип героини «Гранатового браслета» — Людмила Ивановна ЛЮБИМОВА.

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА

«Куприн — настоящий художник, громадный талант». Слова Л. Н. Толстого — на стенде открывающейся завтра в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина книжной выставке, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Ивановича Куприна. В экспозиции — около 250 изданий. Здесь собраны многие прижизненные издания. «Послеини»... Впервые повесть эта пришла к читателям в шестом номере сборника «Знание» за 1905 год. А на этих страницах журнала «Русское богатство» в 1896 году увидел свет «Молох»... Немалое место занимают на стендах и произведения А. И. Куприна, изданные в советское время, иллюстрации виднейших художников и его рассказы и повести. Экспозиция рассказывает читателям о том, что за годы Советской власти книги замечательного русского писателя выходили в нашей стране 303 раза, тиражом 24 миллиона 980 экземпляров на 34 языках народов СССР и зарубежных стран. На выставке широко представлена литература, рассказывающая о жизни и творчестве Александра Ивановича Куприна.

ТРИ СТРАНИЦЫ...

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ литературный музей располагает многими фотографиями Александра Ивановича Куприна, редкими прижизненными изданиями, иллюстрациями к его произведениям. Одна часть этих документов и материалов хранится в фондах музея, другая — на стендах экспозиции «Русская литература XX века».

...Этой фотографии около семи десятилетий. Объектив запечатлел писателя за письменным столом. Куприн крепко работает над новым рассказом. В верхнем правом углу фото рукой писателя выведена лаконичная дарственная надпись:

«Русскому Вороту Александру Ивановичу Кутуну от А. Куприна».

Кто такой А. И. Кутун? Писатель, журналист, издательский деятель? В справочнике «Весь Петербург» на 278-й странице объемистого тома значится:

«АИТУН Александр Иванович, потомственный почетный гражданин. Улица Жуковского, 11. Телефон 10145. Дамский портной; автор-издатель художественного альбома «Дамский портной».

С Кутуном у Куприна были дружеские отношения. И в Петербурге, позднее, наезжая в столицу из Гатчины, писатель часто приходил на улицу Жуковского в гости к своему приятелю. Хорошо известно, что Куприн дружил не только с собратьями по перу, но и с артистами, цирковыми клоунами и дрессировщиками, с церковными певчими, художниками, авиаторами, спортсменами... Ведь сам он, прежде чем стать писателем, переменял немало профессий.

Но почему Кутун назван «Русским Воротом»? Оказывается, он был не только большим мастером своего портновского дела, но и иллюстрировал издаваемый им альбом. Вероятно, поэтому Куприн в шутку и назвал его так, имея

в виду Вороты — целую династию английских художников конца XVIII — начала XIX века.

Когда в августе 1938 года у постели умирающего Куприна собрались его ближайшие друзья и родственники, среди них, по свидетельству М. К. Куприной-Иорданской, был и старый петербургский портной Александр Иванович Кутун. Он вместе с другими проводил Куприна в последний путь — на Литераторские мостки Волкова кладбища в Ленинграде...

Редкую фотографию с дарственной надписью Кутуну теперь можно увидеть в музейной экспозиции.

...Прочитав повесть Куприна «Гранатовый браслет», Максим Горький в письме к Е. Малиновской (март 1911 года) так отозвался об этом произведении:

«А какая превосходная вещь «Гранатовый браслет» Куприна. Чудесно. И я рад, я — с праздником! Начинается хорошая литература!»

Эту повесть Куприн начал осенью 1910 года, а уже в феврале следующего

года она была опубликована в 6-й книге альманаха «Земля». Еще в процессе работы над ней Куприн писал историю литературы и критику Ф. Д. Батюшкова: «Сегодня занят тем, что пишу рассказ «Гранатовый браслет». Это — поминки? — печальная история маленького телеграфного чиновника П. П. Желтикова, который был так беззащитно, трогательно и самоотверженно влюблен в жену Любимова (И. Н. — теперь губернатор в Вильне). Пока только придумал эпитафию: Van-Beethoven op. 2 № 2 Largo Appassionato».

Из воспоминаний Л. Д. Любимовой и М. К. Куприной-Иорданской известно, что прототипом князя Василия Львовича Шейны в повести был член Государственного совета Дмитрий Николаевич Любимов. А княгиня Веры Николаевны Шейной, жены его, — Людмила Ивановна, урожденная Туган-Мирза-Барановская. Сестра же ее — Анна Николаевна Фриессе — это Елена Ивановна Редите, сестра Людмилы Ивановны. Редите, фотография, на которой запечатлен прототип героини «Гранатового браслета» Людмила Ивановна Любимова, передан музею писатель Лев Дмитриевич Любимов.

31 мая 1937 года, после почти всемирно-национальной разлуки с Родиной, Куприн приехал в Москву. Советская Россия тепло встретила старого писателя. На Белорусский вокзал пришли литераторы, представители общественных организаций, многие почитатели его таланта.

Вскоре после приезда в столицу Александр Иванович по совету врачей поселился вместе с женой Елизаветой Моричевой в Голицыне — подмосковном Доме творчества писателей.

Здесь Куприн была отведена небольшая дача. В книге «Дом в Голицыне» С. И. Фомская рассказывает о дне приезда Куприна на отдых:

«Мы приготовили в этот день свиные щи со сметаной и баранину с гречневой кашей. Думали, Александру Ивановичу понравится чисто русские блюда, и не ошиблись.

Еще до обеда Александр Иванович спросил:

«Куда тут селения рядом? Я назвала: Большая Вязьма, Звенигород. Куприн оживился, взял Елизавету Моричеву за руку и протяжно, почти

нараспев, вслушиваясь в звучание слов, повторил:

— Вязьма, Вязьма... Звенигород, Звенигород... Какие хорошие названия!»

В Советской стране все интересовало Куприна. Он внимательно следил за газетами, читал новые книги, встречал писателей, беседовал с колхозниками, рабочими, детьми. Особенно растрогала Куприна встреча с красноармейцами и командирами Пролетарской дивизии, над которой шефствовал Союз писателей.

Очень обрадовало Александра Ивановича то, что его творчество знают и ценят. В конце встречи состоялся импровизированный концерт самодеятельности бойцов. Куприн слушал и советские, и русские народные песни. С большим подъемом была исполнена «Из-за острова на стрежень»...

Все лето и часть осени этого года Куприн прожил в Голицыне. К этому времени и относится впервые публикуемый снимок А. И. и Е. М. Куприных.

Олег ТОЧЕННЫЙ, научный сотрудник Государственного литературного музея

ПОСЛЕДНИЙ ЛЮБОВЬ КУПРИНА

Евгений ХОХЛОВ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суверенней...
Ф. ТЮТЧЕВ

КАК-ТО однажды в Париже, за несколько месяцев до моего отъезда в Москву, знакомый русский книгопродавец показал мне тоненькую книжечку в переплете.

— Вот, купите, — сказал он. — Редкости!

Я заглянул в книжечку. Она оказалась рукописной и состояла из нескольких страниц почтового формата. Почерк оказался мне знакомым.

— Это письма Куприна, — пояснил продавец. — Так сказать, последняя любовь автора «Суламифи».

Я стал рассматривать книжечку внимательнее. Подписи под письмами не было, точнее говоря, не было подписей «Куприн», повсюду стояли инициалы «А. К.» и иногда «Александр». Но сомнений для меня не было никаких: это были действительно подлинные письма Куприна, потерял Александр Ивановича я хорошо знал. По содержанию они были тоже интересны. Письма эти были опубликованы только единожды в небольшом еженесячнике, издававшемся в Париже на русском языке. Ежемесячник этот выходил столь скромным тиражом, что, думаю, вряд ли кому-либо в Советском Союзе они известны. Все письма обращены к Наташе. Кто была эта девушка, я не знаю. Но письма писателя сохранились. Вот одно из них (собственно говоря, это даже не письмо, а шутливая записка в форме четверостишия):

Вострогадая Наташа
Села сердце Куприна.
Очевидно: ядья Яша
И его жена.

Вторым в сборнике помещено такое письмо:

«Очаровательный Ashatan уехал, а на другое же утро — солнце, весеннее небо, сухие тротуары, аэроплатаны над городом — и уже теперь по-настоящему весенний аромат. Но... призываю в свидетели автора неба, солнца и прочих чудес — мне милее были последние дни с дождем, туманом, снегом и даже с лужами, из которых брызги летели на удивительно в мире сапожки из желтой кожи, на 64-х парной шнуровке, работы единственного в мире сапожника Вилькулимена (покупайте только там!!!) на Alexanderplatz в Гельсингфорсе.

Что я не мог проводить прелестного Ashatan'a на вокзал, в этом он пусть простит своего верного и неизменного слугу, преданного ему по гроб жизни. В извинение, я могу бы рассказать длинную, скучную, кислую историю о добровольном заточении свободного духа в аптекарский пузырек. Но всегда были мне противны жалкие интеллигенты, плачущие на коленях перед женщиной или в дружеский жилет.

Признаюсь, тоскливо мне без милого, строгого Ashatan'a. Кажется, надолго отстанет мне единственной отравой одинокого изучения этнографии — сижу от оторой каменной вала — и доверха — до древней китайской культуры. В дешёвом мире есть предмет, подолку приковывающие мое внимание: военные формы и орден, соборная елшнкой утвари и рыболовных снарядов, витрины с крестьянскими костюмами, старинные часы, с подбоденными фигурами в виде футляра, особенно же последний церковный отделе, где есть старинные католические облачения и образа XIV столетия. В музее тихо, пахнет скиншадом, я стою, спокойно подползу и думаю о прошедших временах, и слова у меня тихо-тихо кружатся.

Вот почти все. Сердитесь ли на меня? Крепко жму Ваши обе добрые, спокойные, чудесные руки. А прогроз, на большом пальце правой руки Вы слишком много об-

накаете маникюрном ноготок: получается белое пятно, слегка бросающееся в глаза. Прошу прекратить. Истинно и искренно Ваш Александр.

Р. S. Раньше я замечал, что в других городах в такие весенние дни на улицах появлялась пропасть хороших женщин; точно они падали с неба вместе с теплом и светом. Вообразите: теперь ни одной! Что это? Климат? Раса? Или просто то, что здесь нет Вас? Увидимся ли?»

В третьем из публикуемых писем имеются стихи Куприна.

«Ура, Наташа! Браво, Наташа! Наташа прелест! Наташа красота! Добрая Наташа! Милая Наташа! Любимая Наташа! Чудесная, необыкновенная, волшебная Наташа! Наташа! Божество! Наташа! Наташа! Наташа! Наташа! Наташа! Обо, земля, деревя, облака, камни, аэры: я вам говорю — Наташа! И еще миллион раз — Наташа!

Как Вы сумели меня сделать самым восторженным счастливецом на свете, и всего лишь одной строчкой в письме. «Когда Ashatan, то — это будто не ко мне». Очаровательная Наташа! (Слышите ли, с каким наслаждением я произношу каждый слог Вашего имени!). Вот Вам первый признак того генизона на расстоянии, той телепатии, т. е. переноса мысли, о которых я Вам говорил. Я сам, когда писал Ваше имя навыворот, то думал: ах, неприятно, точно не к ней...

Наташа! Ваше имя напоминает мне черные спелые южные черешни. В них запах миндаля.

А письмо Ваше пахло розой. Я его, от нетерпения, одновременно читал и вдыхал в почтальне у окна. Какой-то финн издал гласеда на меня коко, поозорительно и заискиваю. Бедный! Он думал, что мне пишут о светном.

Наташа! Вот мои стихи о музее. Кажется, плоховато?

На дворе и шур, и блеск весенний,
Но в музее, важности полна,
Сон веков, пламен и поколений
Покорно немая тишина.

Длинных зал пустыни анфилады.
Никого. Лишь мы с тобой вдвоем —
Празднике влюбленных номады —
Меж витрин торжественных идём.

От орудий каменного века
До прелестных северских bagatelles!
Все собрал здесь гений человека
Лишь для Вас, для Вас, Mademoiselle.

Шутке рассмеялся, ты ослепнула,
И к устам моим совсем слегка
Быстро и случайно прикоснулась
Пламенная девичья щека.

Не красней так ало, моя радость,
Трепетных ресниц не опускай,
Понедру глубину и слабость
Дай испить мне, дорогая, дай!

Рот твой рдеет, как цветок граната,
И прекрасен взор.
Остальное в мире...

Остальное не вытискивалось. Пришли чужие. Я думаю, в общем не следует продолжать это стихотворение, а печатать и вовсе нельзя. Как Вы думаете, Наташа?

Кроме того: не обижайтесь. Со стороны можно подумать, что мы с Вами — и в самом деле — целовались в Музее. Не правда ли? Конечно, мы были погружены в эпоху ушедшего века. Но меня соблазнила на эти стихи вся обстановка. Музей. Тишина. Нездриные тени... Даю. Вот с созданным мечтательным образ. К Вам, неслыханная Наташа, этих стихов даже в мыслях я обращаю не дерзая.

Но все-таки Ваш

А. К.

Безделушки.

Письмо четвертое:

«Милая Наташа, да будет благословенно Ваше имя и да будет легкий каждый Ваш шаг на земле!

У нас говорят, что Вы скоро уезжаете в Берлин. Утверждают, что на днях. Я хотел бы услышать об этом несчастии из первоисточника, из Ваших блаженных уст. Говорят также, что Вы в Гельсинки пробудете всего лишь до ноября.

Не удивляйтесь, если в эти немногие минуты Вы найдете меня веселым. От одной мысли не видеть Вас душа моя раздвигается на части. Жизнь теперь так шипит людей, что, может случиться, мы никогда больше не встретимся. Конечно, я не захочу при Вашем триумфальном отъезде играть роль похоронного пучала. Но если б Вы знали, как много Вы увезете с собою того, что составляет мою единственную радость!

Нет, я не умею писать! Теперь воскресенье. Я нарочно пришел в редакцию, зная, что там никого нет, с целью сказать Вам что-то очень большое и красивое. И, правда, никого нет... Но за стеною маленькая рыженькая поповна играет на рояле и поет. (В первой половине этой фразы она закончила «Мой усолок», а теперь катает «Стеньку Разина»). Бог с ней, у нее крошечный перочинный ножик. Но пошлый мотив и пошлые слова парализуют мою мысль.

Разбираете ли Вы мои карандаш? Что я так плохо пишу, виноваты формат и цвет бумаги, а также писание ежедневных статей. Но кроме того — как баяно и немую человеческое слово! И еще кроме: Вы сами, решивши мне писать, ораничили меня предельно «Толкового писемника для благородных девиц». Но у меня кружится голова от тех слов, которых я не смею ни выложить, ни написать...

Каюе на Вас было прелестное платье с короткими рукавами! И отчего я не могу урвать из Музея перепанового гребня времен Александра I? Отчего, Наташа, мы так мало были вдвоем? Отчего, моя радость, красота и наслаждение, не захотел бог скрестить наши пути иначе, вопреки ужасным законам времени?

Становлюсь на колени. Благоговейно целую край Вашего черного платья. Но тотчас же, зная, свои обязанности, покорно сажусь на задние лапы — такая уничи! гордо держу в зубах Вашу перчатку.

Каждое мгновение Вас А.

Р. S. Натан мурый! Если Вы захотите меня порадовать немного-немного, совсем немного ласковым письмом, то знайте твердо, что Ваши серьезные письма я, прочитав и понохав, немедленно уничтожаю, закрыв их сначала в памяти. Несерьезные уничтожаю мгновенно».

Письмо пятое (уже датированное, но, к сожалению, лишь числом и месяцем — 24-III):

«Вы, конечно, знаете, кроткая Наташа, что такое циклон, или тайфун? Это такой ужасный ураган, который пронесется над материками и морями и исчезает в пространстве, оставив за собою разбитые корабли, разрушенные дома, истребленные леса и т. д.

Этим циклоном были Вы, нежная Наташа. О, сколько опустошений произвело Ваше краткое пребывание в Гельсинки! М. Весот ударяет себя левой рукой в грудь, правую простирает вперед и декламирует:

Oh! Vous souvenez vous de moi?...
И тянет мелодичное а-а-а, и мечтательно закуривает глаза. Милый старик! Он уехал. Я его проводил. Вам сердечный привет-и!

Мастро Леву учил и томен. Вдохает. Спросите: «Что с вами?» Отвечает меланхолическим писком: «Пи-и!»

Вспоминает о Вас. «Что же, Наташа, — рассуждает он, — Наташа еще слишком молода. У нее нет глубокого взгляда на вещи и явления».

Я сочувственно подкидываю. Ни за что ему не признаю, что мне-то именно больше всего и нравится, что Наташа так молода, так свежа, так мило эгоистична и так — несмотря на врожденное благодушие — далека от бас бей!

Р-у спуска сделала две-три сцену. Он блеял, как ба-
2 О! Вы помните этот вечер...
3 Синий чулок.

рашек. Он — хороший. Я... но о себе ничего не буду говорить. Я пишу письма и опускаю их в ящик. И даже не смею надеяться получить на них ответ. А вдруг получу?

Вы мой Идола с позлащенными коленями, с бриллиантом во рту! Я пишу на бумажках мои молитвы, называю бумажки на стержни молитвенной машины, приожу эту машину в кругообразное движение, а сам рабоблабно распространяю ниц на периодском ковре, произношу тысячекратно Ваше имя — прямо и наоборот. Ваш Александр.

Редакция. Солнце. Кругом что-то говорят. Все убеждены, что я пишу ужасную статью.

К черту статьи, к черту у! Милостию бога на дворе весна, а у меня в сердце любовь. Любовь — изумительно глупое и святое слово.

А.

Вы думаете, Наташа, что мне хоть сколько-нибудь интересно писать мои статьи? Меня занимает только одна мысль: пусть Вы, прочитав одно из моих бестолковых писем, улыбнетесь. А больше меня ничто на свете не интересует. Весна, солнце, открытое окно и в нем — Ваше милое смеющееся лицо.

Р. показали мне Ваше письмо. Если в нем одна фраза отсылается ковенно и у меня лень ко мне — бесконечно благодарю. Хотя бы Вам стоило сказать, что в этом месте письма Вы менее всего думаете о Вашем рабе и пленнике?

Едете ли в Германию? Остановитесь ли на минуту в Гельсингфорсе? Мы еще не видели музея на о. Ф... (название острова пераборочно. — Е. Х.). (Туда будут ходить пароходики, но можно и на трамвае). Мы еще не были в звернице. Мы еще не были в Визсраге. И хорошо было бы нам сест в двухместный аэроплан и полететь на высоте 1200 метров: единственная позиция, в которой я сумел бы найти настоящие, живые слова и влажные образы.

Воображаете ли Вы, Наташа, как объясняются в любви контриорх и контриорхия фирмы Фишман и Сын, торговая голландскими селедками: она за Ремингтоном, он за Гроссблумом?

Понравится Наташа, что-нибудь на рояле и спойте нежножко. Я издала Вас мысленно поощаю.

Будьте, очаровательница, здоровы и благообразны. Не шалите. Не позволяйте за собой ухаживать (это так неприлично!). Слышались моих советов. Я никогда дурно не научу. Одевайтесь теплее. Март и апрель — самые предательские, провокационные месяцы.

Не могу писать. Сейчас помчусь на почту. А вдруг мне есть письмо?

Целую Ваши руки. Можно?

А.

То, что вложено в книжечку под шестым номером, не является письмом в обычном значении этого слова. Это — написанное рукой Куприна стихотворение:

ВЕЧНОЕ
«Ты смеишь с седыми волосами...
Что на это я могу сказать?
Что любовь и смерть владеют нами?
Что великий их не избежать?»

Нет, я скрою под учтивой маской Заподозрив любовь мою...
Развлеку тебя забавной сказкой,
Песенку веселую спою.

Локтем опершись на подоконник,
Сматриваю ты о душистый темный сад.
Да, я знаю. Молод твой поклонник,
Строен он и ловок и богат.

Все твердят, что вы друг другу пара,
Между вами только восемь лет,
Я тебе для праздничного дара
Присмотрел рубиновый браслет.

Жизнью новой, легкой и пригожей
Захвещив в доверие и любви.
Дочь родится на тебя похожей —
Не забудь же: в кумовья зови.

Твой двойник! Мечтаю я заране:
Будет ласкова ко мне она.
В широте любви не знает границ.
Сказано — «как смерть, она сильна».

И никто на свете не узнает,
Что годами, каждый час и мин,
От любви томится и сгорает
Вежливей, внимательный старик.

Но когда потоком жающей лавы
Пусть твой перевернет гневный рок,
Я с улыбкой, точно для забавы,
Благодарно лягу поперек.

А. К.

Два вопроса возникают прежде всего по прочтении этих писем: к какому времени относятся их написание и кто был адресатом этих нежных посланий знаменитого писателя?

На первый вопрос ответить довольно легко. Письма написаны в Гельсингфорсе, на что в них есть прямое указание (иногда Куприн называет город по-фински Гельсинки). В столице Финляндии Куприн бывал неоднократно, но жил в ней и даже работал в местной русской газете лишь в 1920 году. В Гельсингфорсе он переехал из Ревеля, куда приехал из своей Гатчины в 1919 году. Во всех публикуемых письмах имеется указание, что написаны они весной. В июле 1920 года Куприн с женой и подростком-дочерью переехал в Париж. Время написания писем, таким образом, определяется точно: весна 1920 года.

Кто же была адресатка Куприна, та молоденькая Наташа, которой немолдой уже писатель (в 1920 году Куприну было пятьдесят лет) пишет свои нежные послания? Адресатка выражала желание остаться неизвестной. Конечно, при некоторой настойчивости установить ее личность было бы не так трудно. Но стоит ли, нужно ли делать это?

Письма носят отпечаток некоторой шутливости, в этих местах — нарочитости. «Все, что было знаком с Куприным, легко узнают его «стиль» в этих излияниях. Он великий мастер издумывать «ясного рода чувства». Он культивировал их в себе, считал, что каждое чувство — законно и имеет право на существование.

Вот пример одного из «выдуманных чувств» Куприна. Это было в 1913 году в Москве. Однажды здесь распространился слух, что приехал Куприн и остановился в Большой Московской гостинице. Я отправился туда и нашел там Александра Ивановича, окруженного маленькими издателями и секретарями редакций газет, выспрашивающими у него «рассказчик, хотя бы старенький». Куприн направил всех для переговоров в соседнюю комнату, к «жене», оказавшейся... скромной, малограмотной хористой из цыганского хора. Куприн, видите ли, увез цыганку из хора! Эта романтическая комедия продолжалась всего несколько часов. Примчавшаяся с одним из ближайших поездов настоящая жена, Елизавета Моричева, мгновенно отправляла цыганку обратно в Петербург, а потом уезжала и самого Куприна, с виноватой и одновременно хитровой улыбкой играющей роль покорного супруга.

О том, что влюбленность Куприна в «Наташу» выдумана, что пламенные письма к ней — «чистая беллетристика» (прекрасная, сонная, купринская беллетристика), свидетельствует хотя бы такой штрих: в письмах неоднократно упоминается некий музей, о котором автор писем вспоминает с нежностью, как о месте свиданий с любимой девушкой. Есть даже стихи, посвященные этому музею. А вот как отзывался о музеях Куприн в жизни. В одном из писем своей сестре Зинаиде, жившей в Советском Союзе, он писал:

«...Меня никогда не интересовали ни музеи, ни выставки. Меня всегда являли люди, нравы, обычаи, ремесла, песни, словечки...»

Все это не умаляет ценности публикуемых писем Куприна. Быть может, следует лишь смотреть на них не как на эпистолярное наследие писателя, а как на некое беллетристическое произведение в форме «романа в письмах» влюбленного «вежливого, внимательного старика», «томического и сгорающего от любви» к молоденькой девушке.

(АПН). Специально для «Литературной России»